

Наш СОБЕСЕДНИК

Народный артист РСФСР  
Евгений Александрович  
ЕВСТИГНЕЕВ

Я шел на встречу с актером и мучительно вспоминал: когда и в каком фильме (или спектакле) впервые увидел Евгения Евстигнеева? И не мог вспомнить. Просто привык к мысли: есть актер Евстигнеев, которого я давно знаю по спектаклям «Современника», МХАТа.

Подумал: главное — есть такой актер! А «когда», «где» — какое это имеет значение?

# РАДОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Не сразу удалось встретиться с Евстигнеевым. Репетиции и спектакли — почти ежедневно, кино, телевидение, радио...

— За час управимся? — спросил меня по телефону Евгений Александрович.

— Будем стараться.

— Тогда приходите в театр утром, за час до репетиции.

...Мы сидим в одной из гримерных комнат нового здания МХАТа.

— Евгений Александрович, когда и как родился в вас актер?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Мне даже кажется, что точно на этот вопрос не ответит ни один из моих собратьев по «цеху». Но одно я берусь утверждать: в актерство человека приводит неумное беспокойство и страсть к искусству.

Мой отец пел в хоре, у него был прекрасный бас. Старший брат Сергей играл в знаменитой «Синей блузе». Естественно, это подогревало во мне, совсем еще мальчишке, какие-то смутные, непонятные желания, душевные волнения, которые, впрочем, не были решающими, задолго до первого выхода на сцену предопределившими мой выбор. Как многие дети, я просто любил представлять, во что-то играть.

Мне было 15 лет, когда началась Отечественная война, и я стал работать слесарем на горьковском заводе «Красная Этна».

Честно говоря, уже не помню, с какой скоростью я приближался к мысли стать актером, но в 1944 году я сдавал экзамены и был принят в студию при драматическом театре имени Горького. Но учиться мне тогда не пришлось: не отпустил завод, нужны были рабочие руки.

В свободное от работы время был ударником в самодеятельном джазе, играл в спектаклях любительского кружка. И продолжал работать слесарем.

Лишь в 1947 году я стал учиться в открывшемся в Горьком театральном училище, причем экзамены сдавать мне на этот раз не пришлось, так как курс набирал тот же педагог, что и в сорок четвертом году, и мне были зачтены результаты первых экзаменов.

Тогда же поступили в училище и стали моими однокурсниками ныне известная киноактриса Людмила Хитяева, которая, к слову сказать, собиралась стать врачом, и мой нынешний коллега по театру Михаил Зимин. Так сложились наши судьбы: молодыми учились с Мишей в Горьком, а нынче в Москве состоим в одной труппе...

В 1951 году окончил училище и получил назначение во Владимирский областной драматический театр. Мне предлагали остаться в Горьком, работать в ТЮЗе, но я тяготел ко «взрослому» театру и уехал во Владимир. Таким было начало.

— Евгений Александрович, наверное, каждому человеку предстоит однажды впервые победить... самого себя, нечто в себе...

— Очень хорошо помню этот момент в своей жизни. Во Владимире я проработал три года и... снова стал студентом. Поступил на третий курс школы-студии при Художественном театре. И это было нелегко при всегда строгом отборе. Да еще — сразу на третий курс. Но главная, пожалуй, трудность была иного характера. Сложно было психологически настроить себя на повторную учебу после трехлетней работы в профессиональном театре. Сложно было подавить в себе себя, профессионала. И то что смог это сделать, считаю своей первой победой в жизни. Сложность усугублялась еще и тем, что я был самым великодушным студентом: мне было 28 лет, а рядом сидели совсем

юные ребята. Окончил студию в 1956 году и был принят в Художественный театр.

— И именно в это время...

— Да, да, именно в это время группа молодых актеров во главе с 29-летним Олегом Ефремовым, работавшим в ту пору в Центральном детском театре, готовилась к созданию своего театра. Входил в эту группу и я. Репетировали, как говорится, денно и нощно. И театр был создан. И назван «Современником».

— Главное событие в вашей актерской судьбе?

— Встреча и продолжающаяся вот уже двадцать пять лет творческая и житейская дружба с Олегом Николаевичем Ефремовым. С ним подготовлены почти все роли, сыгранные в «Современнике», а затем и во МХАТе, куда в 1971 году я перешел вслед за своим добрым другом и руководителем. Помните, в начале нашего разговора я утверждал, что не могу ответить на вопрос, когда родился во мне актер. Так вот сейчас я начинаю думать, что, пожалуй, ко времени моего творческого содружества с Олегом Николаевичем и относится это самое рождение.

— А теперь давайте обратимся к вашему дебюту в кино.

— Это случилось в 1956 году, сразу после окончания школы-студии. Режиссер Петров пригласил меня на эпизодическую роль полковника Петерсона в фильме «Поединок» по Куприну. Видимо, со стороны моя полнейшая беспомощность на съемочной площадке выглядела смешно. Для меня же пребывание перед камерой каждый раз было глубоко драматичным и мучительным. Я постоянно забывал текст, был сильно смущен не только этим обстоятельством, но и несколько вольным со мной, дебютантом в кино, обращением сотрудников съемочной группы, которые не принимали во внимание мое состояние. А состояние было жуткое...

И сегодня, когда вижу порой такое же отношение к дебютирующим в кино моим молодым коллегам, это вызывает раздражение, глухой протест. На съемочной площадке актера — даже опытного — и без того отвлекают от главного бесконечные внешние раздражители: всевозможные команды режиссера, оператора, художника, «перекличка» осветителей, постоянные разговоры находящихся в павильоне людей... Тут бы подойти к молодому актеру, сказать ему доброе слово, ободрить дружеской улыбкой. Вы даже представить себе не можете, как актер в этом нуждается...

Когда фильм был снят и для меня, как говорится, все закончилось, были позади, сотрудники группы были приятно удивлены: они совершенно не ожидали, что в небольшой эпизодической роли, сыгранной начинающим в кино актером, вывится такая-то живинка. Удивился и режиссер. «Где нашли этого актера?» — спрашивал он... после просмотра.

После дебюта я стал регулярно сниматься.

— Евгений Александрович, для многих зрителей стало совершенным откровением исполнение вами роли профессора Плейшнера в многосерийном телевизионном фильме «17 мгновений весны».

— Да? А я как раз, получив приглашение на эту роль, очень засомневался в конечном результате своей работы. Дело в том, что участие этого персонажа в фильме было очень фрагментарным, вызывали меня на съемки с большими перерывами, и я не имел возможности проследить единую, что ли, линию роли. И поэтому очень волновался, когда вместе со всеми смотрел в те вечера фильм. Совершенно для меня неожиданным было то, что

роль «срослась», собралась в единый характер, человеческую судьбу. Много в ту пору, когда вышел фильм, говорили о придуманной мною походке Плейшнера. Я улыбался. Улыбались и те немногие из моих друзей, которые знали, что походка эта появилась раньше, чем... был произнесен перед камерой первый текст Плейшнера. Как, почему такое случилось — обычно ведь бывает наоборот, — я не берусь объяснить.

— Актера часто спрашивают, как он работает над ролью, как добивается того или иного результата...

— (Улыбается)... И некоторые мои коллеги, представьте, пытаются ответить на этот вопрос. И зрителям иногда даже кажется, что они получили ответ. И в том, и в другом случае это, полагаю, самообман: ответить на этот вопрос невозможно. В каждом конкретном случае все очень индивидуально, в дело включается весь психофизический аппарат актера, его интуиция — то, что объяснить невозможно. По своему 27-летнему опыту могу лишь сказать, что премьера не является окончанием работы над образом. Более того, для меня часто премьера — лишь начало жизни роли. Репетиция — своего рода освоение. А вышел в спектакле — вот тогда-то и начинается главный, пожалуй, процесс «доводки» роли. Процесс, в который включается все — и атмосфера, и зритель, который нередко вносит свои поправки в размышления актера над образом. Вот тогда-то, причем не обязательно на премьере, это может быть и третий, и седьмой, и двенадцатый спектакль — и возможно истинно насладиться своей работой.

— Мы иногда слышим от актеров: «Мне легко играть эту роль» или «Мне трудно играть...».

— Роль, как мне кажется, надо играть «левой ногой». Легко. Если думаешь, что не сможешь, что порученная тебе роль далека от тебя, не берись за нее. Надо всегда думать наоборот: смогу, во мне все есть для этой роли! Но если трудно, трудись и найди в этом радость преодоления. Главное — верить в свои возможности. Я всегда примечаю, что у меня происходит на первых репетициях. Если легко, если какие-то отдельные сценические куски сразу получаются, — вижу в этом залог будущего успеха. Впрочем, у каждого актера это ощущение возникает в различные моменты.

— Теперь — об увлечениях, о так называемом «хобби».

— Что вы? Просто нет для этого времени. Театр, кино, телевидение, радио — все это надо вложить в 24 часа. Где уж тут думать о «хобби»! Если есть 2 — 3 часа между репетицией и спектаклем, отдыхаю. Удастся — вздремну...

— Как вас «хватает» при такой нагрузке?

— Опять же — все очень индивидуально. Надо хорошо знать себя, быть диспетчером своих возможностей, вовремя сказать себе: «Стоять! Дальше — нельзя, будет полноточка, а значит — халтура». Вот этого, последнего, стараюсь не допустить.

— И все-таки, если случается свободный вечер...

— Бываю у друзей, зову их к себе в гости. Люблю их «заводить», разыгрывать.

— И последний вопрос...

— (Улыбается). Знаю. Или о планах, или о семейном положении. До сих пор женат. А планы? Они — у режиссеров.

Беседу вел  
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.